

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ПАВЕЛ КУТУЕВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и методологии социологии Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова

Проблематика современного социологического теоретизирования¹

Abstract

The textbook chapter is seeking to elucidate the chief trends of contemporary sociological theorizing as well as its principle problematique. Contemporary theorists are defined here as thinkers who have begun their intellectual careers after the death of Talcott Parsons. As the main problem of contemporary sociological theorizing the issue of modernity – its origins, developments and prospects – is identified. Thus, the chapter outlines principle approaches to the conceptualization of modernity, while making the distinction among the notions of “formation of modernity”, “modernization”, and “development”. The chapter discusses the trends of social changes in the XX century. It also juxtaposes the background assumptions of positivist and postpositivist philosophy of science which serve as an underpinning of the sociological theorizing. The chapter questions traditional Eurocentric interpretation of the global history, while trying to avoid trap of the Orient-centered thinking. The text examines the structure of sociological theorizing on modernity and evaluates its claims to the practical utility.

Цель данной главы — рассмотреть основные тенденции современного социологического теоретизирования, а также главную проблематику, на которой концентрируют внимание нынешние обществоведы. Под современными социологами-теоретиками в этой главе понимаются мыслители, которые начали свою самостоятельную профессиональную карьеру после смерти последнего классика социологии — Талкотта Парсонса, то есть после

---

¹ Глава из учебника “Социология” под редакцией В.Б.Евтуха и П.В.Кутуева. Учебное пособие готовится коллективом кафедры теории и методологии социологии Национального педагогического университета им. М.П.Драгоманова.

1979 года. В главе не предлагается обзор и классификация исследовательских программ в современной социологии (эта задача требует отдельного пособия). Однако в данной главе идентифицируется стержневой и фундаментальный для большинства сегодняшних социологов-теоретиков вопрос. Таким основополагающим вопросом является проблема происхождения, развития и перспектив модерна как определяющей характеристики общества, в котором мы живем.

Модерн как центральная проблема современной социологической теории

С момента своего возникновения социологическая теория сосредоточивалась на проблеме формирования модерна. Рассмотрение этого вопроса зависело от теоретической и идеологической ориентации исследователя. Так, немецкий социолог Фридрих Теннис ввел дихотомию общности и общества, где безличностное, основанное на формальных институциях контракта общество было терминологическим эквивалентом модерна, сменившего социальную организацию, которая имела своим фундаментом органические личные связи (примерами последних являются средневековые гильдии и корпорации, а также братства, возникающие вокруг религиозных культур). Такие мыслители, как Анри де Сен-Симон, Огюст Конт и Герберт Спенсер, усматривали индикатор модерна в приходе индустриального общества, тогда как Карл Маркс и Макс Вебер изучали институциональную динамику капитализма в качестве центрального элемента модерна.

Современные мыслители — израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт и его немецкий коллега Вольфганг Шлюхтер — предлагают новейшее определение *модерна*: “В структурных терминах модернность включала такие изменения, как дифференциация, урбанизация, индустриализация и система коммуникаций...; с точки зрения институциональной, к этим измерениям относились национальное государство и рациональная капиталистическая экономика; с точки зрения культурной, они сделали возможным создание новых коллективных идентичностей, связанных с национальным государством, но одновременно укорененных в культурной программе, которая предполагала различные способы структурирования главных плоскостей общественной жизни” [Eisenstadt, Schluchter, 1998: р. 3]. Таким образом, модерн, с одной стороны, становится универсальным феноменом (иначе говоря, Запад утрачивает свою монополию на него), с другой — это явление воспринимается как множественное, то есть существует не единый модерн, а многочисленные модерны. Несмотря на ревизию, а то и реконструкцию своих предыдущих евроцентристских взглядов, даже такая позиция сторонников идеи множественных модернов не может удовлетворить более радикальное крыло этой парадигмы, представленное Санджеем Субрахманьямом [Subrahmanyan, 1998: р. 75–104]. Для этого американского ученого индийского происхождения формирование модерна было не региональным феноменом, содержание которого отражает формула “подъем Запада”, а глобальным процессом¹. Со-

---

¹ Среди множества рассуждений по поводу “подъема Запада” образцовыми по своей концептуальной строгости и лаконичности являются комментарии Дугласа Норта и Дениела Широ [North, Thomas, 1970; Chiot, 1985].

гласно перспективе подхода Субрахманьяма распространенная среди ученых интерпретация колониального правления, которым Запад охватил Османской империи, как двигателя модернизации утрачивает свою авторитетность.

Обычно подъем современного общества на Западе концептуализируется с применением категории “модернизация”. Это безосновательно — модернизация должна уступить место понятию “формирование модерна”. Формирование модерна как типа общества, уходящего корнями в XVI век, является глобальным движением, полным противоречий и катаклизмов, движением, которое в равной мере характеризуется категориями “прогресс” и “регресс”, “дифференциация” и “дедифференциация”, “рационализация” и “иррационализация”. Ключевыми измерениями формирования модерна служат процессы развития капитализма, формирования государства и нации и возникновения национализма как соответствующей идеологии национального государства. Признание того факта, что первая, так называемая оригинальная, модернность развилась на Западе, не должно умалять вклада других обществ и цивилизаций в становление современного социального порядка и ориентации действия. Формирование модерна — это набор контингентных изменений, которые не управляются единой целью и происходят в рамках автономных сфер общества, связанных друг с другом механизмом избирательного родства. Понятие “контингентность”, предложенное Т. Парсонсом, означает, что результаты социальных процессов не предзаданы, следовательно, всегда существует возможность альтернативного развития событий [Vanderstaeten, 2002]. Использование Веберовой концепции-метафоры “избирательное родство” позволяет избежать ловушек редукционизма и монокаузальности. В таких обстоятельствах допустимо трактовать модерн как игру, ход которой обусловлен влиянием неожиданных факторов [Кутуев, 1999]¹.

Понятие “модернизация” предполагает наличие у социальных деятелей более или менее детального видения модерна. Было бы необоснованно считать, что правители и интеллектуалы XVI века или даже эпохи Просвещения были носителями инструментальной рациональности и стремились реализовать проект модерна во всех его известных нам измерениях. Парадигматическими в этом смысле являются реформы Петра I, которые нередко оцениваются как попытка модернизации России. Внимательный наблюдатель и аналитик исторического процесса В. Ключевский посмотрел на реформаторскую деятельность Петра I непредвзято и пришел к выводу, что она имела весьма отдаленное отношение к “модернизации”. Это подтверждается невниманием Петра I к политическому порядку и общественной морали Запада. Только благодаря своему врожденному чутью, замечает Ключевский, Петр I не мог не заметить, что народы Запада воспитываются и крепчают не кнутами и казнями. Несмотря на эти интуитивные озарения, “вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе *властного принуждения* (курс. мой. — П.К.): он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, соответственно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега”. Отсюда следует логический вывод: Петр I “*искал на Западе техники, а не цивилизации*” (курс. мой. — П.К.). Вот как Ключевский резюмирует образова-

---

¹ Подробнее о роли таких “непредсказуемых” и “мутных” измерений модерна, как раса, этничность, религия и национализм, см.: [Tiryakian, 1997].

тельное путешествие Петра I по Западной Европе: “Видно, что пустившись на Запад за его наукой, московские ученики не подумали, как держаться в тамошной обстановке. Зорко следя там за мастерствами, они не считали нужным всмотреться в тамошние нравы и порядки, не заметили, что у себя в Немецкой слободе они знали с *отбросами* (курс. мой. — П.К.) того мира, с которым теперь встретились лицом к лицу..., и, вторгнувшись в непривычное им порядочное общество, всюду оставляли здесь следы своих московецких обычаев, заставлявшие мыслящих людей недоумевать, неужели это властные просветители своей страны” [Ключевский, 1989: т. 4, с. 43–44; 21; 24].

В контексте этих рассуждений модернизацию как способ достижения модерна можно понимать как целенаправленную радикальную трансформацию общества, которая затрагивает как микроуровень — например, изменяя образцы социального действия и его ориентаций, формируя новую идентичность — так и институциональную структуру социума. Этот процесс ведет к дифференциации подсистем социальной системы. По интерпретации Т. Парсонса, процесс модернизации включает следующие стадии:

1. Дифференциации, которая представляет собой “деление элемента структуры в социальной системе на два или более элементов либо структур, отличающихся характеристиками и функциональной значимостью их для системы”.
2. Эти элементы становятся более эффективными, поскольку подвергаются адаптивному “апгрейду”, иными словами, “более широкий круг ресурсов становится доступным для социальных подразделений, поэтому их функционирование может освободиться от отдельных ограничений их предшественников”.
3. После двух предыдущих стадий возникает проблема *включения* дифференцированных элементов в более широкую систему.
4. Чтобы процесс *включения* мог осуществиться и институционализироваться, он “должен сопровождаться ценностной генерализацией, если разные элементы общества претендуют на соответствующую легитимацию и способы ориентации для нового образца действия... Когда сеть социально структурированной ситуации усложняется, ценностный образец должен подняться на более высокий уровень, чтобы гарантировать социальную стабильность” [Parsons, 1971: p. 26; 27].

Модернизация — в идеально-типичном измерении — способствует развитию ценностей рационализма и индивидуализма, является движением от партикуляризма и предписания к универсализму и достижению. Впрочем, эти изменения имеют важные последствия для макроуровня.

Очерченную выше схему никоим образом нельзя рассматривать как инвариантную и априорную. Она требует сопоставления с каждым отдельным исследуемым случаем. Более того, *включение* может происходить в *сбалансированной* и *несбалансированной* формах. В первой ситуации каждая подсистема оперирует согласно своей автономной логике, тогда как во втором случае логика одной подсистемы подчиняет себе другие. Примерами последней тенденции служат ленинские — вообще тоталитарные — режимы, которые навязывают логику политической подсистемы экономической, социальной и социокультурной сферам, и современные неолиберальные режимы накопления капитала, подчиняющие общество логике рынка (экономической подсистемы). Соответственно, такой институт, как демократия,

служит не только эволюционной универсалией; она также является контингентным последствием констелляции социально-политических сил.

Я же концептуализирую развитие как взаимодействие экономического роста, консолидации институций демократии, участия в политике и уважения к правам человека в сочетании с равенством возможностей и всеобщим благосостоянием. Итак, развитие можно понимать и как основу эмансипаторских проектов, и как средство контроля: социального — в рамках индивидуальных обществ — и политического — в плоскости межгосударственной системы. Развитие преимущественно сосредоточивается на изменениях на макроуровне: на экономическом росте, развитии/перестройке государства, социальной политике [Grosfoguel, Cervantes-Rodriguez, 2002: p. XXIII; Myrdal, 1974]. Но все эти меры не могут не сказываться на индивиде, его ценностях и стратегии построения социального действия. Поэтому развитие и модернизация переплетаются, поскольку новая идентичность члена национальной (воображаемой) общности (микроуровень) может возникать как результат внедрения государством соответствующей образовательной политики (макроуровень).

Размежевание развития и модернизации условно, то есть имеет идеаль-но-типичный, аналитический характер, поскольку эти процессы предполагают наличие симбиотических отношений между ними (картина социального мира была бы неполной без своего третьего элемента — недоразвития). Данная концептуальная дифференциация позволяет отделить развитые общества от современных. СССР и нацистскую Германию можно рассматривать как развитые общества, пытавшиеся противопоставить модерну собственную альтернативу; нынешняя Саудовская Аравия также является экономически и технологически развитой страной, общественные отношения которой абсолютно не соответствуют образу модерна (достаточно назвать такие признаки общественно-политической жизни этой страны, как авторитарный политический режим и исключение женщин из публичной сферы). И наоборот, следует вспомнить наблюдения Вебера о наличии этоса рационального капитализма в слаборазвитой периферии — Северной Америке XVIII века — даже при отсутствии соответствующих материальных структур.

Проблемы, объединяемые под эгидой феноменов модернизации и развития, — а также их идеальная репрезентация в форме исследовательских программ — выполняют важную функцию обеспечения академической и политической общностей контекстом для совместных дискуссий. Они также служат основанием как для размышлений о современном социуме, так и для разработки политики, направленной на реализацию общественного блага. В то же время эти понятия действуют как своеобразный раздражитель для ученых и представителей публичной сферы, поскольку рефлексии о модерне нередко руководствуются столкновением между императивами предельного, тотального объяснения и требованиями прагматической сосредоточенности на более конкретных вопросах; собственно подобное трение характерно для опыта модерна. По мнению французского социолога Алена Турена, модерн является полем напряжения между двумя конфликтующими принципами: разума и субъективности. Правление разума ведет к нормализации и стандартизации (в этом моменте Турен предвосхищает тезис американского социолога Джорджа Ритцера о макдональдизации), которые не только разрушили автономию работника, но и проникли в сферы коммуникации и потребления. Современ-

ные общества развитого мира все больше напоминают фирму, которая борется за выживание на международном рынке; одновременно ширится обеспокоенность проблемой идентичности, которая на Юге приобретает форму нового коммуитаризма, а на Севере — нарцисстического индивидуализма. Следствием сверхсильной акцентуации только одного измерения модерна является разделение разума и субъекта: “Без Разума Субъект фиксируется на вопросе идентичности, попадая таким образом в западню; без Субъекта Разум становится инструментом господства” [Touraine, 1995: p. 6].

Фундаментальные проблемы социального мира невозможно релевантно постичь в поверхностно-дескриптивных категориях, которые являются либо энкомиями (к примеру, дискурс неолиберальной глобализации), либо инвективами (интерпретация любых событий в мире как борьбы с неумолимой логикой накопления капитала).

Сегодня неолиберализм является идеологией, имеющей статус гегемонистической, учитывая ее влияние как на теоретизирование, так и на формирование политики. Неолиберализм исторически связан с критикой марксизма австрийской экономической школой, с идеями монетаризма Милтона Фридмана и консервативным образом социальной эволюции как самоорганизующегося процесса Фридриха фон Хайека. Суть неолиберальной литании заключается в констатации смерти регулируемой экономики, на место которой приходят корпорации постиндустриального типа. Эти корпорации даже на традиционных рынках — например, газовом — оперируют в стиле бирж, вполне соответствуя образу свободного рынка Адама Смита и Альфреда Маршалла. Серия корпоративных банкротств нового тысячелетия, символом которых стал крах в 2001 году американской газовой корпорации “Энрон”, ярко продемонстрировала, что неолиберальная формула дает сбой в контексте не только Остального мира, но и первого.

Примером противоположного тотально-критического подхода служит объяснение мотивации Мохаммеда Ати (одного из пилотов-смертников, атаковавших башни Мирового торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года) его нежеланием участвовать в подчиненной логике и требованиях компании “Disney World” перепланировке исторических районов Каира [Retort, 2004].

Среди ученых-социологов, привлеченных к процессу развития общей теории, распространяется убеждение в необходимости взаимодействия разных исследовательских программ и идеологий, взаимодействия, которое бы преодолевало ограничения стратегем конфликта или, в лучшем случае, заимствования концепций, достигая синтеза. На фоне сохранения гегемонии практикой интеллектуального “уничтожения” парадигмального “другого” заостряется потребность в более сбалансированном, многомерном и синтетическом подходе, который к тому же будет насыщен эмпирическими данными.

Контрверзии дискурса о модерне

Сегодня социологический дискурс о модерне занимает центральное место в теоретизировании западного академического сообщества: даже поверхностный взгляд на ведущие профессиональные журналы — например, такое издание, как “European Journal of Social Theory” — позволяет зафиксировать присутствие термина “модерн” в названиях большинства статей, появляющихся на их страницах. Одновременно концепции модерна, модерни-

зации и развития являются “яблоком раздора” для академических сообществ первого и третьего миров (я описал и продиагностировал истоки трагикомических метаморфоз дискурса о модерне и модернизации в современной Украине, то есть в бывшем втором мире, в своей статье “Сообщество ритуала модернизации: от логоса к культуре” [Кутуев, 2007]. С верой ученых Фукуямовского “призыва” в бесспорно творческий потенциал модернизации контрастирует пафос гневного осуждения учеными левого лагеря негативных общественных импликаций обращения правящих кругов второго и третьего миров к ключевым ценностям модерна — либерализму и капитализму. Вполне обоснованным будет определить глубоко укорененный в академических кругах Запада скепсис касательно позитивного потенциала модерна как одно из проявлений постмодернистской культуры излишества. Интеллектуалы третьего мира точно так же разобщены конфликтами по поводу значения модернизации: для одних она является западным обманом, другие интерпретируют ее в духе эмансипации, используя идею модерна для осуждения практик авторитарных автохтонных режимов (например, такая позиция присуща китайским диссидентам).

Среди восточноевропейских неопитов концепции модерна и модернизации распространена упрощенная, преисполненная эйфории трактовка содержания этого процесса, игнорирующая существенное недовольство, продуцируемое процессом модернизации. Таким образом, отрицание реалий модерна интерпретируется исключительно как проявление глубокого традиционализма. Так, государственный секретарь Министерства иностранных дел Польши профессор А.Ротфельд объяснял глобальный терроризм слепым протестом против прогресса модернизации (он воспринимает этот феномен как “закодированный” в истории человечества) со стороны сообществ, усматривающих в модерне угрозу своим образу жизни и культуре [Rotfeld, 2004]. Георгий Дерлугьян — ученик fundатора мир-системного анализа И.Валлерстайна — преподающий ныне в Northwestern University (Чикаго) предлагает рассматривать исламский терроризм не как производную деятельности глобального джихада, движимого ненавистью к западному, либеральному, фактически веберовскому по своим характеристикам модерну, а как продукт взаимодействия констелляций локальных и глобальных структурных (социально-экономических и политических) факторов. Борьба за независимость Чечни возникла на фоне хронической безработицы чеченского населения (в советские времена безработица среди мужского населения в сельской местности Чечено-Ингушской АССР достигала 40%), устаревшей промышленной инфраструктуры и истощающихся запасов нефти. Более того, изменение геополитического и мирового идеологического ландшафтов оставили организаторов борьбы за независимость в международной изоляции. В результате Чеченская революция, начавшись как антиимпериалистическое движение с уклоном к социализму и девелопментализму, трансформировалась в сеть вождистских организаций, поддерживающих свое существование при помощи радикального силового предпринимательства. В случае чеченских военных лидеров ислам стал не более чем оппортунистически выбранной идеологией-как-выражением-групповых-интересов, позволяющей, как легитимировать их деятельность в терминах глобального движения исламского радикализма, так и пользоваться ресурсами этого движения. “Ни один из чеченцев, которые в сентябре–октябре 1991 года свергли местную номенклатуру,

не был традиционным благородным бандитом (абреком) или суфийским мистиком, — не без иронии пишет Г.Дерлугьян. — Все они были выпускниками или, по крайней мере, отчисленными из советских высших учебных заведений, как гражданских, так и военных” [Derlugian, 1999: p. 20]. Завершение эпохи холодной войны лишило чеченских лидеров возможности воспользоваться ситуацией противостояния сверхдержав, когда успешные восстания в странах третьего мира активно поддерживались кем-то из сторон глобального конфликта. “Более того, — продолжает Дерлугьян, — насильственное редуцирование международного идеологического поля к противостоянию между неолиберальной ортодоксией и нативистской реакцией¹ (так, как это описано при помощи формул-бестселлеров Бенджамина Барбера “Джихад против МакМира” и Семюела Хантингтона “Столкновение цивилизаций”) демонстрирует власть самоисполняющегося пророчества, направляя протесты вновь маргинализированных групп и регионов по всему миру в направлении нативистских конфликтов. Недавняя реисламизация Чечни является ярким примером подобной тенденции” [Derlugian, 1999: p. 7].

В свое время Сталин советовал ученым, как именно воспринимать советский строй: “Перехваливать наш строй не стоит, недохваливать тоже нельзя. В рамках нужно держаться” [Слово товарищу Сталину, 2002: с. 184]. Сталинская максима применима для оценки не только дискурса про модерн и модернизацию, но и самих этих феноменов. Мыслители, которые работают в рамках парадигм постмодерна/постколониализма/постразвития, пылко отрицают саму возможность существования связи между милитаризмом, культурным высокомерием и ксенофобией, с одной стороны, и национальными “традициями” — с другой. Например, Пак Нак-чон объясняет жестокость японской армии по отношению к гражданскому населению оккупированных азиатских стран не наследием прошлого и чертами национального характера, несмотря на весьма агрессивное поведение Японии по отношению к ее соседям (как это было присуще ей еще во времена Средневековья), а относительно успешной модернизацией страны утреннего солнца в соответствии с западными образцами (одним из лозунгов Мейдзи-исин было “оставить Азию и войти в Европу”). Следствием модернизации стало отношение японцев к населению Азии как к второсортным “другим”, отношение, напоминающее обращение европейцев с коренным населением Африки и Америк [Paik Nak-chung, 2000: p. 73–86]. В то же время отождествление заимствованных западных моделей поведения (использование блюд французской кухни во время официальных приемов в императорском дворце и сюртуки / фраки как формальная одежда) с современными ценностями не просто сомнительно, но и вводит в заблуждение. Корейский критик постколониальной ориентации или не осознает, или намеренно игнорирует наличие

¹ Нативизм — идеология и движение, провозглашающие первичность интересов “коренных” жителей определенной территории по сравнению с новоприбывшими. Таким образом, нативисты используют аргументы “крови и почвы”, то есть кровного сродства и территориальной общности как основы этнического/национального/политического сообщества. Нативизм враждебен иммиграции и отличается воинственной защитой “чистоты” своей культуры. Элементы нативистского дискурса присущи “почвенничеству” Ф.Достоевского; среди современных представителей нативизма своей резкостью, прямолинейностью и радикальностью отличался недавно умерший С.Хантингтон (подробнее см.: [Capetillo-Ponce, 2007]).

прозрачных параллелей между его собственным проектом преодоления модерна и аналогичной попыткой японских интеллектуалов. Последние в разгар войны на Тихом океане — в 1942 году — организовали семинар под названием “Преодолевая модерн” (киндаи но чококу). Один из идеологов этого движения Судзуки Сигетака выдвинул идею отказаться от модерна, преодолев такие его измерения, как демократия в политике, капитализм в экономике и либерализм в мышлении. Подобная стратегия должна была “снять” дифференциацию, которую принес с собой модерн, и восстановить мифическую целостность японской традиции [Harootunian, 2000].

Как видим, самосознание идеологов японского режима отвечало не столько модерну, сколько антимодерну, что ставит под сомнение объяснение жестокости войны на азиатском театре военных действий исключительно адаптацией евроцентризма к региональной специфике. В том же случае, если южнокорейский ученый осознает связь своих идей с японским “барахтаньем” под тяжестью модерна, то подобная самоидентификация с нативистской реакцией на моден является весьма опасной, поскольку создает простор для избирательного сродства между риториками антимодерной защиты автохтонных субалтерн-слоев и консервативными/реакционными силами, имеющими статус местных элит. Примером подобной тенденции может служить временный политический альянс во время президентских выборов 2004–2005 годов между Н.Витренко (чи выступления против американоцентризма и международных финансовых институтов временами напоминают лексику А.Г.Франка последних годов) и сторонником глобальной гипермобильности капитала В.Януковичем.

Структура социологического дискурса о модерне

Согласно классификации, предложенной американским социологом Робертом Мертоном, социологический дискурс о модерне, развитии и модернизации можно рассматривать в трех измерениях. Во-первых, как общую теорию: концепции Карла Маркса, Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма и Талкотта Парсонса (мыслителей, инвариантно присутствующих в любом реестре основателей современной социальной теории) являются попытками постижения истоков современного социального порядка (преимущественно в его западной инкарнации), попытками, которые, в свою очередь, закладывают фундамент для создания “чистой” социологической теории.

Во-вторых, эту сферу научного поиска легитимно квалифицировать как теорию среднего уровня, поскольку она предполагает идентификацию аналитического инструментария и политических мер (policy), призванных преодолеть социальный, политический, культурный и экономический разрыв и неравенство, отделяющие современные/развитые социумы (общества Севера, как их еще иногда называют) от социальных формаций, к которым применяются понятия “третий мир”, “традиционные общества”, “развивающиеся страны” или “общества Юга”. Традиционно дихотомия между “развитыми” и “отсталыми” странами формулировалась в терминах Запад *versus* Восток (или Остальной мир). На фоне “восточноазиатского чуда” (“официальный” статус этого определения подтверждается тем, что его автором является Всемирный банк) присвоение западными странами “титула” носителя модерна и развития перестает быть безоговорочно убедительным [The East Asian Miracle, 1993].

Следует отметить, что применяемые в социологии для описания и концептуализации социальной реальности дихотомические категории “развитые общества *versus* развивающиеся общества” и “модерн *versus* традиционализм” имеют соответствующие значения, указывающие на географическую локализацию ранее упоминавшихся феноменов. Исследователи, акцентирующие роль ценностей в общественных изменениях, прибегают к понятию “модернизация”, соответственно “модерное” становится атрибутом западных обществ, а “традиционное” — признаком Востока (или Остального мира). Ученые, для которых локомотивом истории являются так или иначе определенные экономические силы (соответственно культуру *de facto* наделяют статусом эпифеномена), тяготеют к понятию “развитие”. В этом случае ученые говорят не столько о культурных/цивилизационных границах между Западом и Остальным миром, сколько о социально-экономическом неравенстве между Севером и Югом. При таком видении принципов структурирования социального мира критерий деления на развитые социумы и развивающиеся (или углубляющие свое недоразвитие, по Андре Гундеру Франку и Майклу Буравому) весьма прост: он является простой производной от состояния банковского счета государства. Географическое содержание типологий “Запад *versus* Восток” и “Север *versus* Юг” условно, вместе с тем каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. В любом случае, левые теоретики типа Самина Амина или Джованни Арриги не имели ни малейшего сомнения в принадлежности СССР к Северу (Арриги даже выдвинул тезис о холодной войне как западной гражданской войне). В рамках терминологической системы координат, фокусирующейся на развитии, легко избежать необходимости поиска ответа на ряд противоречивых вопросов, в частности, о степени модерности японского общества — уровень его экономического развития дает основания для включения Японии в ряды Севера. В то же время дезинтеграция СССР и “третьемиризация” большинства его преемников образовали масштабную лагуну в зоне Севера. В свою очередь, употребление понятия “Запад” указывает на культурные истоки модерна, одновременно генерируя проблему концептуализации подъема отдельных обществ Остального мира, которые достигли успеха вопреки (по версиям некоторых теоретиков *благодаря*) своей непринадлежности к цивилизационному ареалу Запада.

В-третьих, развитие и модернизацию изучают эмпирически на уровнях отдельных общностей, обществ, регионов и мира как целостности. По свидетельству комиссии под председательством бывшего канцлера ФРГ В.Брандта, начиная с 1970-х годов ежегодно только в двух городах — Женеве и Нью-Йорке — проводится как минимум шесть тысяч мероприятий, посвященных вопросам развития, на которых продуцируется более миллиона страниц текстов, касающихся преимущественно практического измерения указанной проблематики [North-South, 1980].

Основные тенденции социальных изменений в XX веке

Выдающийся британский историк и социальный теоретик Эрик Хобсбаум определял XX век как эпоху выраженных крайних позиций (*age of extremes*). Этот отрезок времени стал свидетелем тектонических общественных трансформаций на уровне отдельных обществ и в мир-системном масштабе. В течение этого века произошло перемещение глобальной гегемонии из Британии в США, и собственно борьба за гегемонию породила две

мировые войны, а также создала условия для реализации проекта ленинизма¹ на территории бывшей Российской империи. К другим ключевым изменениям прошлого века следует отнести следующие события: 1) дезинтеграция европейских колониальных империй и образование третьего мира, или развивающегося мира²; 2) исчезновение ленинизма как альтернативы либерально-модерным принципам организации общества и идеологии.

Крах подавляющего большинства ленинских обществ — и особенно окончательное исчезновение советской мир-империи — оставил либерально-демократическую версию капитализма триумфатором-гегемоном в мировом масштабе. Таким образом на какое-то время были делегитимированы попытки поиска альтернативы либеральному капитализму, что дало основания некоторым исследователям провозгласить наступление “конца истории” (авторство этого тезиса принадлежит американскому мыслителю Френсису Фукуяме). Дезинтеграция ленинизма, который конституировал так называемый второй мир, привела к ускоренному процессу дифференциации стран, входивших в “социалистическое содружество”, и к выбору ими разных траекторий развития. Часть восточноевропейских постленинских стран приближается к институциональным стандартам первого мира, тогда как большинство стран — преемников СССР скорее воссоздают образцы общественных практик, свойственных миру третьему. Подобная дивергенция путей развития отчасти может объясняться длительностью пребывания того или иного общества в рамках мир-империи ленинизма: согласно меткой гипотезе британского социолога Эрнста Геллнера, в Советском Союзе наблюдалось различие между регионами, находившимися под властью ленинского режима семьдесят и сорок лет соответственно. Действительно, это различие существенно повлияло на природу социальной памяти: “Сорокалетним присуще острое ощущение того, каков другой мир, тогда как семидесятилетние в основном утратили его. Они не знают другого” [Gellner, 1990: p. 283].

Социологическая теория, философия науки и социальные проблемы

Творцов социологической теории всегда отличали амбиции предложить не только общую схему функционирования социума, но и найти ответ на вызовы, возникающие в процессе развития общества. Вместе с тем общее теоретизирование нередко отделялось от постижения отдельных (более узких) социальных проблем. Именно в этом один из основателей конфликтного подхода в социологии Ральф Дарендорф упрекал Талкотта Парсонса. В итоге в рамках социологического сообщества сформировалось разделение труда между теоретиками, предметом анализа которых был социум в своей тотальности, и исследователями отдельных подсистем общества. Восстание против интеллектуальной гегемонии Парсонса и его эпигонов мани-

---

¹ О социальной природе ленинизма и его амбивалентной установке по отношению к модерну подробнее см.: [Кутуев, 2000; Кутуев, 2002; Кутуев, 2005: с. 315–390].

² Впервые термин “третий мир” предложил в своей статье, опубликованной 14 августа 1952 года в газете “L’Observateur”, французский демограф А.Сови, который провел аналогию между новыми независимыми государствами и третьим сословием французского общества эпохи абсолютизма [Шалиан, 1989; Worsley, 1990: p. 83].

фестивировалось в форме столкновения: абстрактная и спекулятивная “большая теория” *versus* эмпирически и исторически ориентированные “теории среднего уровня”.

В мышлении современных ученых наблюдается тенденция возвращения к стилю мышления основателей социологии — начав с конструирования “большой теории”, они постепенно переходят на уровень применения собственных конструкторов к эмпирически фиксируемым проблемам, обогащая таким образом собственные абстрактные постулаты.

Яркой иллюстрацией такой тенденции является интеллектуальная эволюция американского социолога-теоретика, последователя Парсонса, Джеффри Александера. Этот ученый начал свою карьеру самостоятельного теоретика в 1978 году с публикации статьи, суть которой заключалась в актуализации и новой интерпретации социологического учения Т.Парсонса как имеющего своим фундаментом *общее* объяснение процессов дифференциации [Alexander, 1978]. В свою очередь, модерное общество предстало как продукт этой дифференциации. В 1982–1983 годах Дж.Александр опубликовал объемную четырехтомную “Теоретическую логику в социологии” (Theoretical Logic in Sociology) [Alexander, 1982, 1983 a, b], в которой защищал легитимность общей социологической теории, с одной стороны, и прокладывал путь для исследовательской программы неофункционализма — с другой. Источниками нового теоретического движения должны были стать, ясное дело, переосмысленные идеи Т.Парсонса и социологов, которых он охарактеризовал как классиков — М.Вебера и Э.Дюркгейма — в критическом взаимодействии с взглядами К.Маркса. Новая исследовательская программа также опиралась на отрицание эмпиризма, исповедуемого разными версиями позитивистской философии науки. На смену последнему пришла постпозитивистская философия и методология науки в лице Майкла Поланьи, Томаса Куна, Стивена Тулмина, Имре Лакатоса, Поля Фейерабенда.

Дискурс метатеоретизирования — то есть теоретизирования высшего уровня, служащего базисом дальнейших рассуждений — подкреплялся классической традицией, которая была адаптирована к современным требованиям и определяла границы интеллектуального пространства социологов. Впрочем, десятилетия господства антитеоретической “идеологии” в социологии сделали невозможным не критическое отношение к классике как к априорному фундаменту социальной теории. Тезис касательно ее актуальности и центральности для современного исследования социума требовал серьезного обоснования. Именно эту задачу Дж.Александр реализовал в своем эссе о центральности классики [Alexander, 1988a] (позднее под симптоматичным названием “Социология и дискурс” эта статья была переиздана в сборнике его статей [Alexander, 1988b]).

Позитивизм versus постпозитивизм в философии науки

Позитивистская философия науки, с которой полемизировал Александер, выдвигала следующие постулаты: 1) существует эпистемологический разрыв между эмпирическими наблюдениями, которые считаются специфическими и конкретными, с одной стороны, и неэмпирическими утверждениями, которые считаются общими и абстрактными — с другой; 2) философские или метафизические проблемы не имеют принципиального значения для

практики эмпирически ориентированной дисциплины, каковой является социология; 3) теоретические предположения оцениваются только в отношении эмпирических наблюдений, тогда как теоретические расхождения должны разрешаться путем эмпирической проверки и эксперимента; 4) научное развитие является “прогрессивным”, то есть линейным и кумулятивным.

В свою очередь, постулаты постпозитивистов реабилитируют “теоретическое”. Отныне, 1) эмпирические данные рассматриваются как теоретически нагруженные; 2) дистинкция факт–теория расценивается как аналитическая, а не эпистемологическая и онтологическая; 3) научные предпочтения не основываются исключительно на эмпирических данных (evidence), скорее наоборот, целостность науки базируется на ее способности выборочно отбрасывать последние; 4) общетеоретическая разработка является догматической и “горизонтальной”¹, а не скептической и прогрессивной; 5) сталкиваясь с эмпирическими доказательствами, противоречащими теории, доказательствами, которые нельзя отбросить, она начинает развивать ad hoc гипотезы и вспомогательные (residual) категории, объясняя новые феномены, не отказываясь одновременно от общих формулировок; 6) фундаментальные сдвиги в научных убеждениях происходят лишь тогда, когда эмпирическим изменениям соответствует наличие убедительных теоретических альтернатив.

Трансформации социологической теории: от абстрактного мышления к эмпирическим проблемам и с Запада на Восток

Защитив общую теорию и основав новое теоретическое движение, признаком которого стало стремление к синтезу различных исследовательских программ, Дж.Александр в 1990-х годах меняет свою стратегию теоретического строительства и сосредоточивается на конкретных проблемах развития и функционирования социума. Так, он исследует роль разума (то есть рациональности) в обществе; предпосылки возникновения и сохранения демократии и гражданского общества в современном социуме; культурные травмы и социальные конфликты, генерируемые не столько столкновением материальных интересов, сколько противоречиями в плане идей и идеальных интересов (в частности моральные универсалии или восприятие Холокоста). Все эти проблемы являются элементами более широкого вопроса, а именно — происхождения, формирования и дальнейших перспектив современного общества.

---

¹ Горизонт — понятие феноменологии Эдмунда Гуссерля. Согласно определению К.А.Свасьяна, горизонт является термином-метафорой, “характеризующим одну из основных черт интенциональной жизни сознания. В самом широком смысле горизонт символизирует перцептуальную грань любого воспринимаемого предмета, которая изменяется в зависимости от подвижности сознательных интенций. Сознание, направленное на предмет, имеет дело не только с его сиюминутной актуальностью, но и с полнотой потенциальных свойств... Таким образом, цель интенционального анализа сводится не просто к предмету в его актуальной данности, но ко всему смысловому горизонту предмета, на котором он воспринимается не в модусе “здесь и сейчас”, а как полюс идентичности, или магнит, притягивающий к себе всю сумму собственных интенциональных импликаций, которые суть не что иное, как предопределенные потенциальные возможности его конституирования” [Свасьян, 1987: с. 53].

Социологи, начиная с К.Маркса и М.Вебера, искали ответ на два взаимосвязанных вопроса, которые традиционно формулировались так: 1. В чем кроются источники уникальной динамичности Запада, динамичности, обусловившей его гегемонию над Остальным миром? 2. Как можно наложить матрицу западного модерна на Остальной мир, создав гомогенное мировое общество, живущее по западным ценностям?

Сегодня эти тезисы, воспринимавшиеся как прописные истины как минимум до 1960-х годов, переоцениваются в свете как новых фактов, так и теоретических интерпретаций. Модерн уже не отождествляют только с Западом, тогда как Восток — в частности Китай — наделяют характеристиками, ранее монопольно приписываемыми Западу (это экономическая эффективность, политическая рациональность и благоприятная для творческого действия культурная матрица) [Кутуев, 2008]. Многие ученые поняли, что евроцентристская иллюзия о Западе как единственном источнике социального динамизма в мире, динамизма, который противопоставляют застывшим деспотиям Остального мира, безосновательна теоретически и опасна практически. Вместе с тем такая картина мира не в последнюю очередь своей влиятельностью обязана основателям социологии, среди которых был и К.Маркс с его “азиатским способом производства”, и М.Вебер с его сравнительной социологией восточных религий.

В послевоенную эпоху мы стали свидетелями японского чуда, к которому присоединились “азиатские тигры”, известные также под названием “банда четырех” (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур). Способность этих стран найти выходы с периферии продемонстрировала многовариантность социального развития и невозможность создания универсальной формулы “поступательного движения”, которая, ко всему прочему, имела бы жесткую географическую “привязку” и ассоциировалась с единым культурным контекстом.

Актуальность теоретизирования о модерне и его оппоненты

Сегодня актуальность интеллектуальной задачи рефлексии о модерне, развитии и модернизации усиливается тем фактом — можно даже сказать, “социальным фактом” в строгом соответствии с Дюркгеймовым словоупотреблением, — что эти феномены сохраняют за собой статус наиболее злободневных практических проблем социального мира [Smelser, 1996]. Одновременно модерн, модернизация и развитие являются объектом нападок — и как совокупность общественных практик, и как коллективные представления — со стороны фрагментарного дискурса постмодернизма. Последний безосновательно претендует на монополизацию методологии понимания/интерпретации и призывает к развитию социальной теории в форме социальных нарративов. С точки зрения одного из ведущих представителей этого направления, Стивена Сидмена, постмодерная социальная теория имеет моральную интенцию, импликациями которой является попытка практического вмешательства в социальные конфликты. Этим она отличается от современной социологической теории, которая пытается раскрыть господствующую логику общества и предложить концептуальный аппарат, который будет отражать истинный социальный универс. Иначе говоря, практикам социологической теории современного толка приписывают стремление абстрагироваться от социальных конфликтов сегодняшнего дня и попытку

постичь повсеместные условия общества, чтобы артикулировать язык социального действия, конфликта и изменений в целом [Seidman, 1995]. Понимая, что очерченная картина является скорее карикатурой, нежели идеальным типом современной социологической теории, Сидмен пытается смягчить свой тезис, дополнив его суждением о возможности параллельного существования социологической и социальной теорий в дискурсе одного мыслителя. Но подобный шаг небезопасен, поскольку создает искусственную пропасть между содержательными методологическими исследованиями и методологическими, к примеру, того же М.Вебера; впрочем, моя инвектива не имеет целью ревитализировать утопическую идею теории, которая была бы “выплавлена из одного куска стали” (В.Ленин). Упрекая социологическую теорию не просто в любовании, но и в самоидентификации с законодательным разумом, универсализмом и основополаганием, постмодерная социальная теория вынуждена сделать закономерное умозаключение из имманентной логики собственных рассуждений, девальвируя всяческие попытки обобщенного дискурса. Результатом принятия предпосылок постмодернистов теми обществоведами, которые сосредоточиваются на изучении социальных изменений в странах Остального мира, становится попытка пошатнуть идею развития. Доминирование экзальтированно-критического отношения к потенциальным и актуальным негативным последствиям процессов развития и модернизации лишает ученого аналитического орудия, позволяя только эмоционально клеймить искусственно навязанный третьему мира проект модерна. Несмотря на свою воинствующую риторику в адрес исследователей и практиков развития и модернизации, постмодерн и его ответвление — в частности, парадигма постразвития — действительно не что иное, как “бумажный тигр”, поскольку релятивизация социального познания притупляет социальную критику и коллективное действие [Кутуев, 2003]. Так, французский философ Жан Бодрийяр выносит приговор о невозможности водораздела между реальным и фиктивным, аутентичным и неаутентичным знанием: “гиперреальное, и таким образом защищенное от воображаемого, а также от размежевания реального и воображаемого, оставляет пространство только для циклического повторения моделей и стимулированного продуцирования различий”. Для французского мыслителя любые рациональные рассуждения находятся под угрозой соблюдения правил логики репрезентации, то есть воспроизводства объекта познания, трансформирующего критику в апофеоз критикуемого. “Реальное уже не является реальным” [Baudrillard, 1988: p. 167; 172], — резюмирует Бодрийяр, следовательно, и Диснейленд, и Лос-Анджелес, и, шире, Америка становятся всего лишь гиперреальностью и симуляцией.

Предпосылкой продуктивного социологического теоретизирования является избегание Сциллы необоснованного оптимизма и Харибды негативизма. Гипероптимизм превращает научное исследование общества в гимн status quo, тогда как следствием негативизма является социальная эсхатология, присущая в основном социологам-теоретикам левого направления. Примером оптимистического типа дискурса может послужить исследование В.Заблоцкого [Заблоцкий, 2001]. Недостаток этого исследования либерализма в том, что оно воспринимает интеллектуальные феномены в определенной мере социально, а порой даже идейно изолированно. Поэтому В.Заблоцкий не всегда в состоянии адекватно защитить либерализм от

упреков в полной утопичности со стороны хотя уже немолодых, но все еще разгневанных мыслителей типа Иммануила Валлерстайна и Ноама Чомского (которые перехватили эстафету у так называемых разгневанных молодых людей — нонконформистского течения в западной культуре 1950-х годов). В итоге В.Заблочкий путает *риторику* модерна с его “благой” сутью. Термин “риторика” я использую неслучайно, поскольку в этом феномене пересекаются моральные идеалы, морализаторство и интересы. А.Ковельман удачно эксплицировал это настроение в своем исследовании риторического стиля раннехристианского Египта, уместно заметив, что риторика позволила создать воображаемый мир воплощенной утопии [Ковельман, 1988: с. 130–131]. Впрочем, теории, поддавшиеся чарам идеологии правых, несовместимы с пессимизмом — весьма яркий пример такого синтеза является собой консервативная утопия Семюэля Хантингтона.

Модерн в его западном проявлении предлагали в виде общества-образца для Остального мира; вместе с тем критики проекта модерна склонны усматривать в концепциях модернизации и развития всего лишь идеологию, которой недостает академического компонента, считая, что эти построения лишены интеллектуальной ценности, а единственным мотивом их существования является выполнение ими функции легитимации глобальной гегемонии Запада. Нельзя пренебрегать тем фактом, что даже формирование первичного модерна на Западе должно рассматриваться как процесс, а не как устойчивый результат, процесс, который включал постоянное изменение общественных практик и рефлексии о них. Более того, наиболее существенные черты общества, которые мы ассоциируем с модерном, достигли “зрелости” совсем недавно и распределены неравномерно как в пределах мир-системы, так и в рамках отдельных обществ, поэтому опыт взаимодействия с преимуществами модерна еще не стал универсальной ситуацией для всего человечества. Ни одно общество сегодня не может претендовать на звание полностью развитого и модернизированного. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год, индийский экономист и философ, который живет и работает в Великобритании, Амартия Сен предлагает неортодоксальный взгляд на “развитые” общества, подводя к мысли о том, что их следует анализировать с позиций социологии модернизации и развития, дисциплины, сфера компетенции которой традиционно ограничивалась развивающимся миром. Так, несмотря на относительно более высокий уровень благосостояния афроамериканцев по сравнению с жителями третьего мира, они имеют меньше шансов достичь преклонного возраста, чем китайцы или при-ланкийцы (средняя продолжительность жизни мужчин афроамериканского происхождения в таких городах, как Вашингтон или Сан-Франциско, меньше 60 лет), и это, добавлю, несмотря на несравнимо более высокие возможности систем здравоохранения и образования в США [Sen, 1999: p. 6]. Эти факты дали основания американскому исследователю Дениэлу Широ прийти к выводу о том, что “только те, кому недостает ощущения истории, не осознают существования технологий и совсем не понимают, насколько все еще неполной является наша адаптация к условиям перехода от аграрного к современному индустриальному обществу, могут использовать поверхностные термины типа “постмодерн” и “поздний модерн” для описания социальной реальности конца XX века. ...Модернизация имела место, этот процесс продолжается и будет продолжаться еще долго” [Chivot, 2000: p. 70].

Американский политолог из Университета Калифорнии в Беркли Кен Джавит еще в 1987 году предложил назвать резко-насиленную реакцию на экспансию западного модерна, экспансию, в которой причудливо переплетаются идеи, идеалы и интересы, “движениями неистового гнева”. Чрезвычайно проникновенный анализ последствий модерна в современном мире предлагает также американский социолог С.Шерман в своем обсуждении трех темпоральностей событий 11 сентября 2001 года в США. Этими темпоральностями — то есть системами координат времени — являются: 1) гегемония США; 2) гегемония современной идеологии либерализма; 3) перспектива столкновения цивилизаций [Sherman, 2003]. Вместе с тем было бы ошибочным усматривать во всех этих движениях только традиционалистский отпор модерну — в частности, “Аль-Каида”, учитывая ее организационную структуру, представляет собой не столько олицетворение архаизма, сколько соответствие современной корпорации, в рамках которой Осам бин Ладен выполнял функцию исполнительного директора (chief executive officer).

Реальные общества целесообразнее рассматривать как своеобразные осколки воображаемого целостного проекта модерна, каждый из которых является носителем той или иной черты этого типа социума (к примеру, США является олицетворением индивидуалистической конкуренции, тогда как Скандинавским обществам присуща акцентация на социальной справедливости и равенстве). Соответственно становится очевидной бесперспективность восприятия феномена модерна в “Платоновой” манере, то есть как неизменного абсолюта (хотя взгляд на модерн как на жестко фиксированный набор качеств весьма распространен среди отечественных исследователей). Действительно, даже один из наиболее оптимистичных пионеров исследовательской программы модернизации, американский социолог Марион Леви осознавал необходимость использовать термины “относительно современные” и “относительно немодерные” общества.

Как точно заметил французский социолог науки Бруно Латур, модерн полон противоречий и является ценностно-нагруженным понятием: как продемонстрировал один из эпизодов судебного процесса против монопольных практик компании “Майкрософт”, попытка четко определить даже такой объект-икону модерна, как компьютер, оказалась бесплодной, поскольку технологии не являются чем-то нейтральным, это предмет острых диспутов [см.: Latour, 2003]. Итак, согласно Латуре, “модерн утратил две свои ключевые черты: он уже не означает нечто неоспоримо благое и, что важнее, уже не ассоциируется с хорошо организованным набором ценностей и объектов” [Latour, 2003: p. 42].

В противовес оптимистическим надеждам рационалистов эпохи Просвещения и позитивизма, контроль и господство являются не чем иным, как модернистской фантазией.

Утилитарность социологического теоретизирования

Практическая значимость и важность социологического теоретизирования выплывает из общего положения о взаимодействии идей и интересов, провозглашенного М.Вебером: “Не идеи, а материальные и идеальные интересы прямо управляют поведением человека. Однако очень часто “картины мира”, созданные “идеями”, подобно стрелочнику определяют путь, которым

динамика интересов продвигала дальше действие” [Weber, 1946: p. 280]. В эпохи радикальной реструктуризации общества и трансформации его ценностной сферы, то есть в ситуациях социального дисбаланса, изменения могут инициироваться и продвигаться усилиями групп, которые лишены “материальных” ресурсов, но обладают ресурсами идеационными, то есть вовлечены в процесс продуцирования идей. Идеи — и это как минимум в равной степени важно — научные идеи (формой существования которых являются исследовательские программы) не сводятся к ментальным состояниям, отражающим интересы и “обслуживающим” социальное действие, ориентированное на оптимизацию ресурсов. Социологические концепции и, шире, исследовательские программы руководствуются собственной динамикой, имеющей избирательное сродство с институциональной динамикой академического сообщества и социума в целом. Готовность сообщества обществоведов отречься от гегемонии индивидуалистически-рационалистических и структуралистско-экономистских схем в объяснении социального мира свидетельствует о популярности Хантингтонова трактата “Столкновение цивилизаций”: поверхностность и ошибочность его аргументации компенсируется акцентом на идеационных факторах социальных изменений.

Под этим углом зрения идеи мыслятся как элемент нормативной мотивации действия, служащей деятелям указателем и ориентиром. Следовательно идеи, в частности те из них, которые были воплощены в исследовательские программы, не только продукт социальной интеракции, они являются формой социальной “акции”. Важность практического вклада идеативного измерения — как в виде теории, так и в форме нормативных ориентаций — в процесс развития и модернизации лучше всего демонстрируют дебаты относительно “наличной стоимости азиатских ценностей” или связь между идеями и мобильностью капитала в пределах Европейского Союза. “Идеационный поворот” сказался даже на “верующих” экономического функционализма, которые совершенствуют свою позицию, выдвигая на первый план не столько требование редукционистского толкования идей, сколько приоритезируя интернализацию со стороны деятелей именно экономических парадигм за счет социологизированного истолкования факторов развития и модернизации общества.

Господство идей не только влияет на наше определение предмета исследования, собственно оно структурирует представления о социальных проблемах, формируя политические и управленческие подходы к их решению, формируя таким образом политическую и социально-экономическую динамику. Например, британский ученый Колин Хей убедительно демонстрирует, что идея глобализации оперирует автономно от эмпирических измерений глобализации как таковой: в случае интернализации политическими деятелями исследовательских программ и политических парадигм (policy paradigms), постулирующих, что ключом к конкурентоспособности является уменьшение налогов, они будут согласовывать свои действия с этим требованием, абстрагируясь от эмпирических реалий [Нау, 2002: p. 202].

В своих рассуждениях о модерне я придерживаюсь методологической максимы М.Буравого, который сформулировал тезис: “Последней линией защиты (исследовательской программы. — П.К.) является критика: противопоставление реального потенциальному, “того, что есть” “тому, что может быть”. При отсутствии чувствительности к альтернативам не может быть

эффективной борьбы, а без борьбы не может быть реалистичного видения” [Virawoy, 2000: p. 173]. Постигание логики динамики социологического дискурса о модерне требует диалога с тем “прошлым, которое трактует нас” (Э.Соловьев), поскольку делает возможными идентификацию и актуализацию изоморфных современности и ее запросам интеллектуальных традиций. Две драмы в сфере развития и модернизации — драма идей и драма событий — продолжают разворачиваться на наших глазах, что делает тезис о конце истории таким же неуместным, как появление персонажа комедии дель арте в трагедии Кристофера Марло.

Цитаты из первоисточников:

классические и современные мыслители о теоретизировании и модерне

Задание: прокомментируйте приведенные ниже цитаты применительно к проблематике модерна.

Критика — это имя тонкого и острого оружия, которым история оперирует в поисках правды о фактах. “Критика” на греческом означает “суд” и “отделение”: суд над неправдой, отделение истины от лжи. ...Критика является чувством меры, аскетическим нахождением среднего пути между легкомысленным утверждением и легкомысленным возражением.

Г.Федотов

Всю историю следует изучать заново...

Ф.Энгельс

Ни постмодернисты, ни я четко не знаем, что такое модерн, только бы иметь хоть малейшее представление о его возможном преемнике.

Р.Белла

Рационализация — это благородное слово, когда оно вводит научный и критический дух в сферу, которая раньше доминировалась традиционной властью и произволом решений могущественных; оно становится страшным словом, когда обозначает тейлоризм и прочие управленческие методы, разрушающие ремесленную автономию рабочих, и заставляет их подчиниться темпам производства и приказам, претендующим на научность.

А.Турен

Контрольные вопросы

1. Каков основополагающий вопрос современной социологической теории?
2. Как Ш.Эйзенштадт и В.Шлюхтер определяют модерн?
3. Каковы главные идеологические ориентации современных социологов-теоретиков?
4. Дайте характеристику неолиберализма как одного из основных идеологических течений современности.
5. Охарактеризуйте уровни социологического дискурса, предложенные Робертом Мертоном.
6. Охарактеризуйте следующие дихотомии современной социологической теории: Запад versus Восток (или Остальной мир); “общества Севера” versus “общества Юга”; “традиционное” versus “модерное”.

7. Дайте определение понятия “формирование модерна”.
8. Дайте определение понятия “модернизация”.
9. Какой теоретик оказал наиболее значимое влияние на дискурс о модернизации?
10. Дайте определение понятия “развитие”.
11. Можно ли реформы российского императора Петра I рассматривать как модернизацию?
12. Каковы главные тенденции социальных изменений в XX веке?
13. Интеллектуальное развитие какого социолога-теоретика показательно для динамики современной социологии?
14. Каковы основные постулаты позитивистской философии науки?
15. Кто из ученых олицетворяет постпозитивистскую философию и методологию науки?
16. Охарактеризуйте позицию постпозитивистской философии науки.
17. В каком направлении происходит трансформация социологической теории сегодня?
18. В чем суть постмодерной критики социологической теории и модерна как такового?
19. В чем заключается опасность необоснованного оптимизма или негативизма для социологического теоретизирования?
20. Как американский социолог Дениел Широ обосновывает актуальность теоретизирования о модерне?
21. Воспроизведите и проинтерпретируйте формулу Макса Вебера о взаимодействии идей и интересов.
22. Какова роль социологических идей для формулирования и реализации политики?
23. Приведите примеры практического вклада идеативного измерения — как в виде теории, так и в форме нормативных ориентаций — в процесс формулирования практической политики.
24. Каково основное противоречие модерна, по А.Турену?

Рекомендованная литература

1. *Кутуев П.В.* Время и общественная модернизация: случай ленинизма // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 1.
2. *Кутуев П.В.* Прологомены к политической социологии ленинизма // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 4.
3. *Кутуев П.В.* Чи потрібен розвиток після розвитку? Дискурс построзвитку в західній соціології розвитку і модернізації // Мультиверсум. — К., 2003. — Вип. 32.
4. *Кутуев П.В.* Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу. — К., 2005.
5. *Кутуев П.В.* Критична теорія модерну Алена Турена // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”. — 2007. — № 761.
6. *Кутуев П.В.* Теорія соціальних змін : Навчальний посібник. — К., 2008.
7. *Chirot D.* The Rise of the West // American Sociological Review. — 1985. — Vol. 50. — № 2.
8. *Chirot D.* Why Must There Be a Last Cycle? The Prognosis for the World Capitalist System and a Prescription for its Diagnosis // Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System / Ed. by G.M.Derluignan, S.L.Greer. — Westpoint; L., 2000.
9. *Eisenstadt S.N., Schluchter W.* Introduction: Paths to Early Modernities // Deadalus. — 1998. — Vol. 127. — № 3.
10. *Parsons T.* The System of Modern Societies. — Englewood Cliffs, 1971.

11. *Seidman S.* The End of Sociological Theory // The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory / Ed. by S.Seidman. — Cambridge, 1995.
12. *Sherman S.* The Attacks of September 11 in Three Temporalities // Journal of World-Systems Research. — 2003. — Vol. 9. — № 1.

Литература

- Заблюцький В.П.* Лібералізм: ідея, ідеал, ідеологія. — Донецьк, 2001.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4. // Сочинения: В 9-ти т. — М., 1989. — Т. 4.
- Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид (Массовое сознание римского Египта). — М., 1988.
- Кутуев П.* Время и общественная модернизация: случай ленинизма // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 1.
- Кутуев П.* Концепция избирательного сродства в социологии Макса Вебера // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3.
- Кутуев П.* Прологомении к политической социологии ленинизма // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 4.
- Кутуев П.* Сообщество ритуала модернизации: от логоса к культу // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 3.
- Кутуев П.В.* Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу. — К., 2005.
- Кутуев П.В.* Теорія соціальних змін : Навчальний посібник. — К., 2008.
- Кутуев П.В.* Чи потрібен розвиток після розвитку? Дискурс построзвитку в західній соціології розвитку і модернізації // Мультиверсум. — К., 2003. — Вип. 32.
- Свасьян К.А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. — Ереван, 1987.
- Шалиан Ж.* “Третий мир” // 50 / 50: Опыт словаря нового мышления / Под ред. М.Ферро, Ю.Афанасьева. — М., 1989.
- Alexander J.C.* Formal and Substantial Voluntarism in the Work of Talcott Parsons: A Theoretical and Ideological Interpretation // American Sociological Review. — 1978. — Vol. 43. — № 2.
- Alexander J.C.* Structure and Meaning: Relinking Classical Sociology. — N.Y., 1988b.
- Alexander J.C.* The Centrality of the Classics // Social Theory Today / Ed. by A.Giddens, J.Turner. — Stanford, 1988a.
- Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. — Vol. 1: Positivism, Presuppositions and Current Controversies. — Berkeley, 1982.
- Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. — Vol. 2: The Antinomies of Classical Thought: Marx and Durkheim. — Berkeley, 1982.
- Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. — Vol. 3: The Classical Attempt at Theoretical Synthesis: Max Weber. — Berkeley, 1983a.
- Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. — Vol. 4: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons. — Berkeley, 1983b.
- Baudrillard J.* Selected Writings. — Cambridge, 1988.
- Burawoy M.* Marxism After Communism // Theory and Society. — 2000. — Vol. 29. — № 2.
- Capetillo-Ponce J.* From ‘A Clash of Civilizations’ to ‘Internal Colonialism’: Reactions to the theoretical bases of Samuel Huntington’s ‘The Hispanic Challenge’ // Ethnicities. — 2007. — Vol. 7. — № 1.
- Chirot D.* The Rise of the West // American Sociological Review. — 1985. — Vol. 50. — № 2.
- Chirot D.* Why Must There Be a Last Cycle? The Prognosis for the World Capitalist System and a Prescription for its Diagnosis // Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System / Ed. by G.M.Derluguian, S.L.Greer. — Westpoint, 2000.

- Deluguian G.M.* Che Guevaras in Turbans // *New Left Review*. — 1999. — № 237.
- Eisenstadt S.N., Schluchter W.* Introduction: Paths to Early Modernities // *Daedalus*. — 1998. — Vol. 127. — № 3.
- Gellner E.* Ethnicity and Faith in Eastern Europe // *Daedalus*. — 1990. — Vol. 119. — № 1.
- Grosfoguel R., Cervantes-Rodríguez A.M.* Introduction. Unthinking Twentieth-Century Eurocentric Mythologies: Universalist Knowledges, Decolonization, and Developmentalism // *The Modern / Colonial / Capitalist World-System in the Twentieth Century: Global Processes, Antisystemic Movements, and the Geopolitics of Knowledge* / Ed. by R.Grosfoguel, A.M.Cervantes-Rodríguez. — Westport; L., 2002.
- Harootunian H.* Overcome by Modernity: History, Culture, and Community in Interwar Japan. — Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Hay C.* Political Analysis. — Basingstoke; N.Y., 2002.
- Latour B.* Is Re-modernization Occurring — And If So, How to Prove It? A Commentary on Ulrich Beck // *Theory, Culture and Society*. — 2003. — Vol. 20. — № 2.
- Myrdal G.* What Is Development? // *Journal of Economic Issues*. — 1974. — Vol. 8. — № 4.
- North D.C., Thomas R.P.* An Economic Theory of the Growth of the Western World // *Economic History Review*. — 1970. — Vol. 23. — № 1.
- North-South. A Programme for Survival: Report of the Independent Commission on International Development Issues / Ed. by W.Brandt. — Cambridge, 1980.
- Paik Nak-chung.* Coloniality in Korea and a South Korean Project for Overcoming Modernity // *Interventions*. — 2000. — Vol. 2. — № 1.
- Parsons T.* The System of Modern Societies. — Englewood Cliffs, 1971.
- Retort. Afflicted Powers. The State, the Spectacle and September 11 // *New Left Review*. — 2004. — № 27.
- Rotfeld A.D.* Dlaczego stawiamy na Stany Zjednoczone. Rozmawiał Robert Walenciak // *Przegląd*. — 2004. — 7 listopada.
- Seidman S.* The End of Sociological Theory // *The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory* / Ed. by S.Seidman. — Cambridge, 1995.
- Sen A.* Development as Freedom. — Oxford, 1999.
- Sherman S.* The Attacks of September 11 in Three Temporalities // *Journal of World-Systems Research*. — 2003. — Vol. 9. — № 1.
- Smelser N.J.* Social Sciences and Social Problems. The Next Century // *International Sociology*. — 1996. — Vol. 11. — № 3.
- Subrahmanayam S.* Hearing Voices: Vignettes of Early Modernity in South Asia, 1400 — 1750 // *Daedalus*. — 1998. — Vol. 127. — № 3.
- Subrahmanyam S.* Connected Histories: Notes Towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia // *Modern Asian Studies*. — 1997. — Vol. 31. — № 3.
- The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. — N.Y., 1993.
- Tiryakian E.* The Wild Cards of Modernity // *Daedalus*. — 1997. — Vol. 126. — № 2.
- Touraine A.* Critique of Modernity. — Oxford, 1995.
- Vanderstaeten R.* Parsons, Luhmann and the Theorem of Double Contingency // *Journal of Classical Sociology*. — 2002. — Vol. 2. — № 1.
- Weber M.* From Max Weber: Essays in Sociology / Ed. by H.Gerth, C.W.Mills. — N.Y., 1946.
- Worsley P.* Models of the Modern World-System // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / Ed. by M.Featherstone. — L., 1990.